

Николай Семенович Лесков

**Русский драматический
театр в Петербурге**

**Лесков Николай Семенович
Русский драматический
театр в Петербурге**

Н. С. Лесков.

Русский драматический театр в Петербурге

Давая в начале сезона отчет о вновь явившихся театральных пьесах, мы с дерзостью столетнего календаря предсказывали, что нынешний сезон будет необыкновенно богат новыми произведениями наших драматических писателей. Мы не ошиблись: в течение всего сезона новые пьесы так и летели одна за другою, одним скачком на сцену, а другим в реку вечного забвения. Все они были так плохи, так ничем не замечательны, кроме бездарности, что мы уже и не заговаривали о них и ныне не станем вспоминать о них. Мы уверены, что читателям нашим давно наскучило встречать в наших отчетах одни порицания; и мы рады бы хоть на один раз оторваться от этого тона и хоть к одной из новых пьес отнестись дружественно и сочувственно; но, к сожалению, ни одна из них не вызывает нас на такое отношение. Мы говорим ни одна, вовсе не забывая, что нынешнею зимою шли "Смерть Иоанна Грозного" гр. Толстого и "Гражданский брак" г. Чернявского. "Смерть

"Грозного" есть явление, которое еще ждет солидной, критической оценки и, во всяком случае, не может быть смешиваемо в одну категорию с однодневными комедийками; а "Гражданский брак" хотя и пережил более тридцати представлений, дающих всегда самые полные сборы, но мы, не стесняясь успехом этой пьесы, по справедливости не можем исключать ее из ряда пьес очень слабых. В свое время в нашем журнале этой пьесе была посвящена целая особая статья, разъяснявшая, почему эту, увенчанную давно небывалым успехом пьесу все-таки следует считать пьесой плохой, необдуманной, ученической и страдающею многостороннейшими недостатками, начиная хоть с самого названия, ибо, в самом деле, название "Гражданский брак" отвечает этой пьесе разве лишь потому, что в ней все действующие лица друг друга бракует: дочь бракует любящего ее медицинского студента; студент бракует не признающего браков чиновника; чиновник бракует свою содержанку; другая содержанка бракует, в свою очередь, этого чиновника; потом дядя бракует племянника, а первая содержанка

племянникова бракует дядю; два лакея бракуют один другого, и вообще действительно происходит самая горячая браковка, но никакого гражданского брака нет. Ни один мотив, ни одно место петербургского гражданского брака в пьесе этой не только не разыграны, но даже не тронуты; и если в настоящем или в будущем кто-нибудь пожелает написать сатиру на гражданские браки людей, называемых "болванами петербургского нигилизма", тот, не стесняясь комедиею г. Чернявского, может написать совершенно новую, может быть весьма занимательную комедию, нисколько не рискуя повториться. И мы полагаем, что такая комедия из нигилистических нравов, или даже не комедия, а фарс, могла бы выйти даже довольно занимательна, ибо ни в одном из наиболее фигурирующих современных типов нет столько буфонского комизма, сколько в "болванах петербургского нигилизма"; а для большинства публики Александринского театра этот род комизма, как оказывается, есть род самый понятный и едва ли не самый любимый. Огромный и вполне незаслуженный успех "Гражданского брака" везде, где только

до сих пор была дана эта пьеса, доказывает лишь, как наболели у общества раны, нанесенные ему извращением человеческих понятий об обязанностях человека к семье, и как много может сделать, коснувшись этого вопроса, писатель, обладающий истинным драматическим талантом.

Новым явлением в нашей летучей театральной критике (если только ее можно назвать критикой) было этой зимой некоторое новое отношение рецензентов к последним пьесам г. Островского. Долгое, некогда безусловное и весьма часто не в меру рабское поклонение произведениям этого драматического писателя вдруг пало и сменилось каким-то унылым сожалением. Правда, этой перемене отношений предшествовала некоторая довольно постепенная подготовка; но все-таки созерцать ее непривычными к сему положению очами довольно странно. Восторг, который г. Островский вызывал у зрителей своими прежними пьесами, начал уменьшаться еще с появлением его "Минина Сухорука" и "Шутников", а окончательно замер после "Тушина". Еще "Минин Сухорук" утом-

для читателей своею длиннотою и скукою, и лишь одни ревностнейшие поклонники г. Островского упивались пленительной сладостью его стиха в этом произведении; но все прочие прочли эту пьесу не с тем нетерпением, с каким читали прежние пьесы того же писателя. Явились "Шутники" и по своей анекдотической легкости не произвели сотой доли того впечатления, какое делали на зрителей прежние драмы, сцены и комедии г. Островского. "Тяжелые дни" тоже, как переделанный для сцены анекдот, смотрелись без всякого увлечения; "Пучина" (в свое время разобранный в нашем журнале), несмотря на ее, по-видимому, серьезный замысел, прошла еще незаметнее, а поставленные еще позже на сцену исторические хроники г. Островского были приняты уже так холодно, что в Москве, как писали тамошние корреспонденты здешних газет, спектакли эти даже не давали сборов на тамошнем маленьком театре. Последняя же хроника г. Островского "Тушино", напечатанная в одном новом периодическом издании, есть пьеса такого свойства и таких достоинств, что едва ли вовсе может

быть поставлена на сцену, а будучи поставленной, едва ли не усыпит зрительную залу вернее, чем усыпляли некогда немецких зрителей исторические пьесы Раупаха.

При нашей крайней бедности на литературные таланты вообще и при совершенном почти отсутствии драматических талантов постоянно падающий и даже почти сходящий на нет успех г. Островского есть явление самое печальное, над которым поневоле приостановишься и призадуматься. У г. Островского всеми был признан замечательный талант. Некоторые из его критиков находили даже, что у него очень большой талант; иные из них находили, что у него даже колоссальный талант, наконец даже всеобъемлющий талант, и все это *manu intrepido* {недрогнувшей рукой (лат.)} записывалось черным по белому на листы театральных хроник и критик. И публика все это читала и, пожалуй, всему этому верила. Да, сколь ни резки, даже, скажем, сколь ни странны были иногда эти весьма преувеличенные похвалы произведениям г. Островского, ни одна из них, во дни оны, не казалась ни очень резкою, ни очень

преувеличенную, - до того все любили своего почти единственного драматического писателя. Когда, по поводу "Доходного места", пьесы, в которой автор, оставив гостинодворскую среду, взялся за чиновников и только что благополучно совладел с ними, один из журнальных рецензентов, заговорив по этому поводу о всесторонности таланта г. Островского, увлекся до того, что не оставлял ни малейшего промежутка между значением г. Островского и значением Шекспира, и никто против этого не возражал, и никто этому не противоречил... Да и как было противоречить, когда за одну попытку похвалить кого-нибудь кроме г. Островского в то время его почтенный критик говорил: Равнять его с Коцебу!

Ей, гляди-ко, брат...

Я отмеряю русской меркою:

Не замай его - исковеркаю.

И вот ныне, когда еще не все сапоги, сшитые в оное грозное время, износились, г. Островского не смотрят, г. Островского находят скучным, г. Островского читают только по старой памяти, и только по старой памяти его щадят газетные фельетонисты, испещряя

свои отзывы о его новых пьесах выразительными многоточиями! Неужто уже г. Островский совсем отслужился и, как старый боевой конь, требует теперь только ячменя да покоя? Неужто он уже не может писать таких пьес, какие он писал для русской сцены, - не лучше и не хуже, а таких самых, какие он писал и за какие его прозвали "гостинодворским Коцебу"? Не хочется согласиться, что он дошел до такого бессилия, да и едва ли есть до сих пор достаточные основания подозревать такую утрату таланта в г. Островском. Положим, что

Мы, дети севера, как русская природа:

Цветем недолго, быстро увядаем,

а потому и г. Островский мог отцветать в то время, когда мы его считали еще растущим и укрепляющимся. Но, рассуждая о нем по его последним, хотя и относительно слабым работам, мы должны сказать, что видим в этих работах не упадок сил автора, а нечто иное, может быть более зависящее от форм его новых произведений и от выбора сюжетов. Полагаем, что теперь, после "Тушина", не рискуя впасть в большую ошибку, можно сказать, что г. Островскому не даются исторические

русские хроники. Его род пьес, в которых он всего сильнее, есть бытовая драма и комедия, и мы решительно не постигаем упрямого желания этого писателя держаться неудачно взятого им нового, столь не свойственного ему и непосильного рода драматических сочинений. Положим, что бытовая жизнь наша отчасти бедна, и однообразие ее явлений может порою приводить в отчаяние посредственного писателя; но неужто же историческая жизнь допетровской Руси, с деспотической семьей и униженным положением женщины, разнообразнее и богаче драматическим содержанием? По нашему мнению, вопрос этот решается отрицательно: ибо тогдашняя жизнь, несомненно, была еще однообразнее нынешней, и упорное желание произвольно разнообразить характеры тогдашней семьи, помимо греха перед исторической правдой, может вести к целой бездне несообразностей, не исключая даже опыта изобразить в русской женщине эпохи самозванцев нигилистку XVII века, как это преблагополучно и совершил в своем "Тушине" г. Островский.

Кроме г. Островского, из прочих сценических писателей к нынешнему сезону приготовили новые драматические сочинения гг. Писемский, Боборыкин и Алексей Потехин. Пьеса г. Писемского, "Поручик Гладков", еще не поставлена на сцене и нигде не напечатана, а о ней только носят слухи, и слухи столь разнообразны, что некстати было бы на них основывать какие бы то ни было суждения. Из пьесы Потехина сыгран в бенефис актера Васильева только один акт, и об этом отрывке есть отчет в дальнейших строках настоящей статьи; один лишь г. Боборыкин успел окончательно написать и даже поставить на сцену свою новую пьесу. Этот плодовитейший писатель имеет невероятную быстроту в руках и в мыслях. Произведения его размножаются, как кролики, и, как кролики, все похожи одно на другое: во всех одинаков отсутствие замысла, недостаток смысла, небрежность отделки, неестественность характеров и поразительная бедность содержания. Г-н Боборыкин давно известен как очень бездарный писатель; но особенно дурны были всегда его писания по театральной части. После

того как он напечатал в своем собственном журнале драму "В мире жить, мирское творить", думалось, что авось-либо он уж и сам убедился, что написанные таким образом вещи не годятся ни для сцены, ни для печати; но не тут-то было.

Новая пьеса г. Боборыкина называется "Иван да Марья". Сюжет этой пьесы самый незанимательный, и построение ее самое бестолковое. Все дело вот в чем: Марья, хозяйка постоялого двора, вольная крестьянская девушка (г-жа Глебова), любит своего батрака, Ваньку Жигарева (г. Васильев). Марья наряжает Ивана в красные ситцевые рубашки и в желтые китайчатые кафтаны, ласкает его, точь-в-точь как некрасовская дворянская дочь должна была ласкать своего огородника, и живет Ванька у Марьи припеваючи. Марье сватают женихов, за нею ухаживает зажиточный прасол (г. Зубров); ее преследует недобрая слава - но Марья ни на что это не обращает внимания и все любит Ивана. Но вдруг Марья замечает, что ее Иван играет с проживающей в деревне бедной дворянской девушкой Пашей (г-жа Натарова). У Марьи поднимается

ревность, и она дает Ивану чувствовать его батрачье положение, раздражив в то же время его ревность ласковым обхождением с прасолом. Иван не стерпливает обиды, крадет у Марьи серую лошадь и убегает на ней куда глаза глядят; но прасол его нагоняет, ловит и приводит назад на аркане. Марья выручает Ивана, объявляя, что она подарила ему лошадь, и, чтобы замять дело, дает взятку старшине, а сама целуется с Иваном, и комедия кончена... Да, комедия действительно вся здесь рассказана; но, чтобы ее сделать как можно скучнее и растянуть на три акта, г. Боборыкин употребил некоторую невинную авторскую хитрость. Нимало не стесняясь соблюдением живой связи действий и причинностью явлений, вызывающих драматизм сцен и борьбу характеров, г. Боборыкин напустил в свою драму по лопате всякого жита, какое было на току неотвеянным. В его комедии сначала появляется "проезжая пожилая барыня Варвара Павловна". Это - лицо, ни на что решительно в драме не нужное и поставленное единственно для замедления ее хода и для скуки. Помещица эта пьет чай, болтает с

хозяйкою, потом толкует с ямщиками и, наконец, уезжает. Четыре выводимые на сцену ямщика почесались на сцене и, ко всеобщему удовольствию, увезли с нее не интересную никому "пожилую барыню". Потом, бог весть ради каких потребностей, вызывается из времени и пространства некий помещик Зудеев. Это болтун, дурак и либерал, который или дрыхнет перед публикой на сцене, или в минуты бодрствования рассказывает, как его любит народ. Довольно бы, кажется, столько вздора; но г. Боборыкин разошелся... Ему показалось еще недостаточно шести появляющихся совершенно беспричинно человеческих лиц, и он еще выпускает двух скотов - одного двуногого, в виде омерзительно пьяного лакея помещика Зудеева, и одного настоящего четвероногого скота - серую лошадь. Да, настоящую, живую серую лошадь! С легкой руки г. Серова, у которого, в опере "Рогнеда", Владимир Красное Солнышко выезжает на сцену верхом на коне, лошади начинают принимать все более и более деятельное участие в разыгрывании русских драматических произведений.

Мы уже вволю насмотрелись на лошадей в "Рогнеде" и в "Смерти Грозного", но в этих пьесах лошади по крайней мере действительно помогают полноте картины. Владимир Красное Солнышко, являющийся на коне среди векового леса, и два московские боярина, выезжающие верхами на богато убранных лошадях в середину голодной и оборванной толпы порывающегося на бунт народа, - помогают сценическим эффектам; но на что была нужна лошадь Ивану да Марье? На то, чтобы Иван украл ее у Марьи. Вы, конечно, можете сказать, что это можно было рассказать, вовсе не выводя самой лошади на сцену; можете сказать, что иллюзия сцены побега могла быть достигнута гораздо вернее посредством произведения за кулисами удаляющихся ритмических ударов, подражающих ударам копыт скачущей лошади, - все это было можно, и всякий другой, может быть, так бы и распорядился;

Но пришло в мысль Боборыкину.

Ну-ка дай я штуку выкину,
и выкинул.

Удивительный этот писатель, г. Боборы-

кин!

За Иваном с Марьей и с лошастью в бенефис Васильева шел отрывок новой комедии г. Алексея Потехина. Для тех, кто не имеет навыка отличать одного от другого двух братьев Потехиных, Николая и Алексея, напомним, что этот отрывок принадлежит г. Алексею Потехину, автору "Мишуры", человеку, не лишенному дарований, а не г. Николаю Потехину, автору "Безобразников", человеку, имеющему, может быть, весьма замечательный политический смысл, но мало дарований литературных.

Судить о целом по отрывку, и притом не зная наверное, сколь существенную часть целого составляет этот отрывок, весьма затруднительно; но, насколько можно понимать значение сыгранного перед нами куса из новой комедии г. Алексея Потехина, комедия его, должно быть, задумана весьма недурно. Вот в коротких словах содержание сыгранного отрывка.

У отставного генерала, ветхого днями старичка, есть еще очень свежая сорокалетняя жена, которой "хочется жить", и ей нужны

деньги. Эта жизнелюбивая молодая жена гонит старичка во что бы то ни стало раздобыться для нее деньгами; а старичок, кости которого просят покоя и мира, говорит, что ему денег доставать негде. Происходит семейная сцена, к концу которой генеральшу посещает некая Серафима Францевна - петербургский стряпчий в женской юбке. Фактор этот приносит весть о возможности соединить браком молоденькую дочь генеральши с страшным богачом, Кутузкиным. Генеральша себя не помнит от радости при этом предложении; она униженно подличает перед факторшей, упрашивая ее выдать Катю замуж за Кутузкина и достать пять тысяч рублей самой генеральше. По уходе факторши генеральша начинает делать дочери внушения, как хорошо будет, когда она через полтора-два года по выходе за Кутузкина будет богатой вдовою. Девушка, разумеется, не внемлет этим внушениям: она плачет и не хочет продавать себя старику Кутузкину. Но тут внезапно является ее брат, Федор Иванович, которого играл новый дебютант, г. Монахов. На этом Федоре Ивановиче надеты светлые триковые панта-

лоны и черный бархатный пиджак, в котором он, правду сказать, очень мало похож на генеральского сына. Федор Иванович возвращается с веселого пира, где он проиграл пятьсот рублей какому-то графу Бржебржицкому.

- Все проиграл, кроме любви к родителям! - говорит Федор Иванович, ласкаясь к своей свежей еще матери и целуя ее руки; а мать ему жалуется на непокорность его сестры, которая не хочет идти замуж за миллионера Кузюкина.

Брата это удивляет.

- Катя! - восклицает он. - Да ты подумай, что ты это делаешь? От какого ты положения отказываешься? Этакую кладовую-то упустить! владеть миллионами, быть благодетельницею своих родителей, своего брата, - и т. п.

Девушка слушает все это, а братец все проповедует и наконец, доведя речь к заключению, восклицает: "Иди ж скорей, оденься пооткрытей, чтоб голое плечо блестело, чтоб ножка в тоненьком, прозрачайшем чулке мелькала... Эх, черт возьми!"

Это "черт возьми" в устах братца звучит

словно: "Эх, сам бы ел эту ягоду!"

Услышав это восклицание, сестра быстро поворачивается на одной ноге и уходит; а в ее отсутствие начинается очень занимательная сцена между сыном и матерью. Мать упрекает сына, что он дурно себя ведет: сын нимало не конфузится и держится перед матерью с невозмутимым спокойствием. Он все продолжает ласкаться к ней и не забывает про пятьсот рублей, нужных ему, чтобы рассчитаться с графом Бржебржицким. Чуть мать поднимает голос, сын становится еще нежнее и в то же время вытаскивает против нежной родительницы ее же собственные орудия; тычет ее, как кошку носом, в ее же собственные бестолковые слова - слова, которые эмансипированная дура болтала, подражая "духу времени".

- Пороки не искореняются строгостью, - говорит он, шутливо улыбаясь в глаза своей матери и повторяя ей ее собственные фразы, - нужно, мутерхен, с детьми гуманное обращение. - И мать, которая в эту же самую минуту, как змея, собирается пожрать свою собственную дочь, действительно становится гуман-

ною по отношению к сыну и обещает выручить его пятьюстами рублями, как только состоится продажа Кутузкину Кати. Мать и сын во всей этой сцене дают право заключать, что г. Алексей Потехин основательно вдумался в эти типы и справится с ними как нельзя лучше. Гнусная мать, потатчица слабостей презренного сына, не понимающая ни одной из задач воспитания и в то же время издевающаяся над всякой дисциплиной в воспитании, - тип, который распространен необыкновенно в наше время и с каждым новым днем распространяется все более и более. Сын умнее своей матери. Принимая участие в запродаже сестры, он далеко превосходит мать в знании людей и в мастерстве их эксплуатировать. Мать его, как она ни гнусна и ни своекорыстна, не проведет даже факторши Францевны и должна ей кланяться, подличать перед ней и унижаться. Это натурка маленькая, мелконькая и трусливая: ей по силам одни мелкие подлости, достигаемые способами самыми примитивными, тогда как сын ее другое дело: это негодяй комплектный, вполне сформированный и вполне современный. Он

приготовлен к негодяйству самым целесообразным воспитанием и продолжает свое развитие в вполне современной школе. "Живу, - рассказывает он своей матери, - с такими людьми, которым за одни фамилии чины дают: столпы отечества будут". Этот сын с своей матерью хотя звери и одной породы, ибо и у него, точно так же, как у нее, есть и лисий хвост и волчьи зубы, но велика разница в их уменье вилять хвостом и запускать свои зубы. Мать виляет хвостом только по инстинкту, как лиса; а он несет свой хвост тихо и не щелкает зря зубами на каждого бессильного человека. До сих пор он употребляет свой хвост пока еще только для заметания следов, которые делают его лапы; а со временем, когда войдет в постоянный возраст, будет употреблять этот хвост для затирания крови, что засочится из-под зубов его. Он не обижает нынче своего отца, потому что в том выгоды не находит: зачем же ему обижать без пользы? Он продает сестру спокойно, а ее покупателя, старика Кутузкина, располагает в свою пользу совсем иными средствами, чем стремящаяся к тому же самому мать его. Он не прибега-

ет, для снискания этого расположения, к униженным молениям, не хнычет и не драпируется нежными чувствами, а очаровывает старца практичностью своих взглядов на жизнь и достоинством своего поведения. Не имея возможности совсем скрыть от Кутузкина свое бездельничанье, праздность и фланерство, он находит достойное оправдание своему поведению и на вопрос: почему он не студент, а вольнослушатель? отвечает, что вольнослушателем быть гораздо лучше, что у вольнослушателя поле шире, что вольнослушатель, посещая только избранные лекции, изучает жизнь; а это самое главное. Он понимает, что старый миллионер Кутузкин не из тех людей, чтобы стоять за науку. Это не масон, не птенец разрушенного новиковского гнезда, не человек плетневского или другого из кружков, группировавшихся около известных, почтенных личностей: это просто благодатный золотой кулек, невежда, который, вероятно, временами и сам сознает свое невежество и не может любить людей с основательным развитием. Федор Иванович понимает, что такой старик, взамен всех недоста-

ющих ему познаний, непременно должен считать себя знатоком людей и практической жизни, и потому он сейчас же попадает ему в ноту, заявляя и себя человеком, уважающим одни лишь эти знания и готовым идти в жизни по следам Кутузкина, то есть посвятить себя искусству разгадывать человеческие слабости и эксплуатировать их в свою пользу. "Жизнь изучаю", - говорит он Кутузкину, и очарованный им Кутузкин отвечает ему, что "это самое важное". С этих пор вы чувствуете, что Кутузкин будет в руках Федора Ивановича, и Федор Иванович выжмет из него все, что ему нужно. Отрывок комедии кончается по-молвкою Кати с Кутузкиным, и мы, к сожалению, остаемся в полной неизвестности, что сделает автор в дальнейшем ходе пьесы со всеми лицами своей комедии; но остаемся до последней степени на их счет заинтересованными, ибо Федор Иванович представляет собою один весьма рельефно выступающий, современный тип.

Не подлежит никакому сомнению, что своекорыстие, низость, жестокосердие и сластолюбие, как и всякие другие пороки челове-

чества, стары точно так же, как старо само человечество; но несомненно и то, что формы, в которых проявляются порочные склонности человеческой природы и отношения общества к этим проявлениям, в разные времена весьма разнообразны и всегда достойны внимательнейшего наблюдения. Рабская покорность своим страстям и преследование дурных, недостойных целей у людей простых, почвенных, невыдержанных, по преимуществу проявляются в формах столь грубых и несложных, что для распознавания их почти нет нужды ни в какой особой наблюдательности. Все пороки этих людей ходят нагишом, как ходили наши праотцы. Но те же самые пороки у людей, приученных уважать известные условия жизни и соблюдать декорум порядочности и благонамеренности, не только скрывают наготу свою, но даже не ходят с открытыми лицами, а гримируются и разнообразят эту гримировку до бесконечности. Над этим искусством цивилизованное человечество трудилось очень немало и зато усовершенствовало его до степени весьма замечательной. Нет почти ни одного благородного

флага, под которым не провозились бы к своим целям контрабандою самые гнусные замыслы и стремления. Религия, филантропия, служение идее, святая любовь к родине и столь же святая любовь к человечеству - все было эксплуатируемо и еще не раз будет эксплуатировано дурными людьми для достижения самых дурных целей. Дурные люди всех решительно слоев общества эксплуатируют каждую из этих струн по-своему; но всякий из них, с помощью своего способа эксплуатации, достигает результатов далеко не одинаковых. Ханжа в рубище странника, вытягивающий гривенники и двугривенные на масло или на ладан от гроба господня, которыми он запасется в первой травяной лавочке, и иезуит, склоняющий больную, требующую утешения душу отписывать братству многоценные имения, которые должны были обеспечить целые семьи и которые вовсе не нужны богу, сказавшему: "Я милости хочу, а не жертвы", - это один и тот же сорт шарлатанов; но первый из представителей этого сорта, ханжа, странник, ограничивается мелкими, ничтожными срывами с легковерных, тогда как вторые берут в

свои заgreбистые лапы не только целые семьи, но даже целые государства и народы. Над первым можно смеяться, но его можно терпеть; второго нельзя терпеть, и позволять ему усиливаться - преступно. Ту же разницу в значении достигаемых целей мы увидим, обратясь к деятельности разных людей, эксплуатирующих общественную филантропию. Стоит только для сравнения взять сначала самый примитивный у нас способ этой эксплуатации: нищенство и попрошайство с просительным письмом на бедное семейство, а потом самое высокое развитие этой же профессии, когда человек, эксплуатирующий общественную филантропию, сам прикидывается благотворителем, ораторствует в заседаниях обществ, устраивает благотворительные спектакли и на счет бедных дает балы и вечера, нужные лишь ему самому для сдачи с рук взрослых дочерей или для снискания общественного расположения. Проделка с просительным письмом при этом сравнении покажется нам только невинною детскою игрушкой. Опять то же самое представится нам, когда мы припомним, как люди различных ци-

визаций служат одной и той же идее, положим хотя бы, например, революционной идее. Если мы припомним характер пугачевщины и вообще представим себе нашего бунтующего мужика или даже наших недавних революционеров, бесхитростно являвшихся с воззваниями к солдатам в гвардейские казармы, и посравним сих приемами тонкую неумирающую интригу поляков, то какая неизмеримая разница представится нам и в способах действий и в размерах достижения целей! Казнили Пугачева, разогнали его ватаги, и бунт пал и покорился; придет в бунтующую деревню батальон солдат с розгами, перепорет бунтующих мужиков, и нет бунта; перетряхнет полиция распространителей революционных сочинений в солдатских казармах, и нет охотников идти их дорогою. А польская революция, кажется, задушена, вывезена в другую часть света и там, еще раз задушенная, скована, и, несмотря на все это, как связанные братья Давенпорт, показывает свои бледные руки то оттуда, то отсюда, откуда их, кажется, нельзя бы высунуть и откуда их всего менее ожидаешь. Возьмите, в самом

деле, нашего алчного, но простодушного революционера, заматывающего десяток рублей, собранных для изготовления специально-демократических прокламаций, и вспомните компаньонов Мерославского, не торопившихся пачкать свои ладони в пятаках и гривнах, а солидным образом запустивших руки в патриотический карман своих соотчичей. Какая громадная разница! И так именно везде и всегда: везде грубые, менее цивилизованные плуты и эксплуататоры не отличались ни внешнею скромностью, ни благоразумием и тактом; они обыкновенно голодными псами кидаются на всякую падаль, проворовываются необыкновенно скоро, разоблачают один другого со всеусердием и обыкновенно не успеют оглянуться, как уже бывают лишены всех средств продолжать надувание почтеннейшей публики. А негодяи высшей цивилизации идут к достижению своих целей путями гораздо более верными, обдумывают свои планы зрело и осуществляют их в размерах самых полных и совершенных. Едва ли не самый лучший образчик того, как одно и то же орудие в руках бесхитростных простаков слу-

жит к их собственной пагубе, а в руках людей более и лучше дрессированных становится силою, готовою служить им для их целей, представляет нам в настоящее время безнравственное учение, известное у нас под именем учения нигилистов. Будучи изобретено воспитанниками духовных семинарий и академий, учение это прежде всего распространилось из духовных училищ между людьми самого невысокого полета, и выразилось рядом одна другую превосходящих глупостей. Цели и все задние мысли грубых людей, вводивших это безнравственное учение, были замаскированы такими плохими масками, что не прошло и пары лет, как все их планы и приемы были разгаданы и осмеяны. Нигилистическая грубость низкопробных бездельников драла глаза обществу, и общество показало этому бездельничанью свое глубокое презрение, а правительство сказало ему свое стой! и грубые шавки с мордашками, лаявшие на все кресты и знамена, которые чтит народ наш, замолчали. Но в то время, когда правительство уже решилось произнести свое слово, в некоторых других кружках из нигилистиче-

ских газет и журналов уразумели, что принципы осмеиваемого и преследуемого учения как нельзя более отвечают всем стремлениям строить свое благо, не смущаясь строгими уставами нравственности. Правда, что это поняли еще с самого объявления нигилистических принципов даже те грубые и недалёковидные люди, которые фигурируют в романах "Марево", "Взбаламученное море" и "Некуда", но они, поняв это, по простоте своей и примитивности своих характеров не сумели нимало воспользоваться всеми выгодами этого учения. Они даже не открыли близкого сходства его начал с началами иезуитов, которым некоторые, может быть не совсем безосновательно, приписывают изобретение нигилизма для еретической России. Первые русские нигилисты нимало не проникли в дух своего учения и по простоте своей и грубости хотели распространять его нахрапом. Они, как легендарные дулебы, ринулись в погоню за слабыми обрами и разбежались так быстро, что сами поскакали в море, к которому хотели припереть гонимых. Эти новые дулебы были осмеяны и, надоев воем своею грубостью и

глупостью, брошены ныне без всякого внимания. Люди высших слоев, не превосходящие погибших дулебов нравственностью, но имеющие перед ними неотъемлемое превосходство в выдержанности и внешней благовоспитанности, обратив внимание на это учение, поступили иначе. Они сначала смеялись и потешались над нигилизмом как над сущою глупостью; но потом вскоре поняли, что нигилисты в существе гонятся за тем же самым, за чем гоняются и за чем готовы весь век гоняться они сами, то есть за силою, за влиянием, за угождением своей плоти и своим страстям, без всякой нравственной борьбы и жертвований. Они увидали, что теориею нигилистов можно очень ловко воспользоваться, и взялись и за отрицание чувств, и за порицание дисциплинарных мер, и за иезуитский девиз: "цель оправдывает средства". Но, будучи выдержаннее и благовоспитаннее изобретателей нигилизма и первых апостолов этого учения, новые его адепты избегают всех грубостей и ошибок, отмечавших шествие первых "болванов петербургского нигилизма". Новые нигилисты из-

бегают клички, тогда как те обрадовались ей и в простоте души на первый тургеневский оклик откликнулись: "да, мы нигилисты". Эти не отрицают во всеуслышание чувств и не кричат о брюхе да о его значении, а на деле практикуют великое новое учение: для них все nihil, все ничто, и

Только то лишь одно и действительно,
Что для ихнего тела чувствительно.

Они знают, что "бесплодно спорить с веком", ибо "обычай - деспот меж людей", и зато результаты их деятельности уже осязательны и, вероятно, будут многообильны своими последствиями. Старцы не видят в них таких врагов, каких они видели в грубых нигилистах первой эпохи нигилизма, а называют их здравомыслящими, рассудительными людьми и, пляшучи по их дудке, не замечают, что они пляшут.

У них везде будут свои друзья и защитники, а потому и борьба с ними будет гораздо труднее, чем борьба с Галкиными, Белоярцевыми, Прорвичами и гимназистом Колей. Вращаясь среди людей, которые "за одни фамилии получают чины" и "готовятся быть

столпами отечества", они найдут себе и опору, и на них нельзя смотреть сквозь пальцы ни одной минуты, ибо они растут и укрепляются зело и зело.

Повторяем, нам неизвестно, что сделает г. Потехин из своего Федора Ивановича. Может быть, в целой пьесе этот Федор Иванович не только не главное, но даже и совсем не видное лицо; но в отрывке, как мы его видели, этот господин занимает очень видное место, и автор может сделать из него тип самый современный и необыкновенно замечательный. Нам этот Федор Иванович рисуется впереди очень большим лицом, и мы думаем, что в этом лице автор, несомненно, может показать одну из самых больных язв нашего века. Так ли задумано это лицо у г. Потехина, как нам чувствуется, или почтенный автор и ныне, щадя современность, будет беспощаднее к сложившей свое орудие крепостнической старости и не поведет свою комедию далее "Отрезанного ломтя"? Хотелось бы верить, что мы не ошибаемся, что г. Потехин, как русский незлопамятный человек, не будет находить долгой услады в том, чтоб карать своею

сатирую давно покоренную спесь и немощь отжившего барства, а устремит свои силы на борьбу с новым злом, которое, как полированный змей, выходит на нашу землю из того самого озера, в которое еще так недавно спихнуты шершавые нигилистические дулебы.

Наступивший великий пост кладет конец наплыву наших пьес и появлению на сцене новых талантов, и мы, оканчивая статью, можем резюмировать ее всю театральную хронику нынешнего сезона.

Сезон этот прошел, как прошли многие, предшествовавшие ему, - не особенно счастливо и не особенно несчастливо. Новых пьес было мало, но все они были очень замечательны лишь одною бесталантностью авторов. "Смерть Грозного" ждет еще времени для произнесения о ней основательного приговора. До сих пор ясно только одно, что на петербургской сцене пьеса эта едва ли может долго идти, несмотря на то, что она делала громадные сборы. Публика наша смотрит ее по ее громкой славе, по сочувствию к ее автору; но самая пьеса эта, очевидно, не по плечу нашим артистам, и ее легко может ждать судьба

"Воеводы". Все пересмотрят ее по разу и охладят, ибо любоваться чьей бы то ни было игрою в этой пьесе не выпадает на нашу долю. Мы не говорили ничего об исполнении этой пьесы и не хотим утруждать читателей, приводя сравнения между игрою гг. Васильева, Самойлова, исполнявшими роль Грозного, но скажем, что мы вполне разделяем мнение того фельетониста, который, посмотрев обоих этих артистов в роли царя Ивана Васильевича, написал, что "мы видели на сцене Павла Васильевича (Васильева), потом Василья Васильича (Самойлова); но Ивана Васильича (Грозного) не заприметили".

Из новых дебютантов, которых не много и было, снискал общее внимание один г. Зубов, составляющий действительное приобретение для петербургской сцены. Дебютировавший в бенефис г. Васильева г. Монахов еще ничем не определился... По части женского персонажа новостью этой зимы был успех г-жи Струйской (первой) в "Светских ширмах" и в "Гражданском браке". Актриса эта, игравшая до сих пор вторые и третьи роли, вдруг вышла в первых ролях и очень понравилась и

публике и рецензентам, но затем вдруг стала и не двигаться, так что говорить об ее дальнейшей игре, по нашему мнению, пока не следует, чтобы не попасть по торопливости впросак.

Итак, провожаем мы наш театральный сезон такими же скромными буржуа, какими были при его начале: щегольнуть нам нечем, а похвастаться и подавно. Провинциальные газеты говорят нечто весьма лестное о некоторых провинциальных артистах, о Стрелковой, о Виноградове; да уж боишься и верить этому говору, как вспомнишь о тех метаморфозах, какие происходят с провинциальными талантами при пересадке их на столичную сцену.

ПРИМЕЧАНИЯ

РУССКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В ПЕТЕРБУРГЕ

Впервые опубликовано в "Отечественных записках", 1867, март, кн. 1, стр. 35 - 48, за подписью: "М. С.". Впоследствии не перепечатывалось.

Во второй половине 1860-х годов Лесков проявляет большой интерес к театру: к 1867

году относится его собственная попытка драматургического творчества (драма "Расточитель"), в 1866 году и в последующие годы он ведет обозрение новых постановок в петербургских театрах, печатавшееся в "Отечественных записках" и "Литературной библиотеке" (см Хронологическую канву жизни и деятельности Лескова, 1866 и 1867 годы - наст. изд., т. 11), а также в "Современной летописи" (1871, ЛЛ 16, 31, 34, 36, 38, 40, 44, 45). В помещаемом обзоре, как и в некоторых других, Лесков допускает ряд выпадов против революционно-демократического лагеря ("нигилистов"), характерных для литературно-общественной позиции писателя в 60-е годы. Но вместе с тем Лесков высказывает и ряд ценных мыслей, свидетельствующих о его тонком понимании сценического искусства.

Особый интерес в обзоре представляют высказывания Лескова о драматургии Островского. Творчество великого драматурга всегда привлекало Лескова, побуждая подчас к попыткам полемически ответить Островскому в своих произведениях. Так, известно, что героиня повести "Леди Макбет Мценского уезда"

во многом противопоставлена Катерине из "Грозы" Островского, драма "Расточитель" является своеобразным откликом на пьесу "Пучина" (см. об этом в примечаниях к т. I настоящего издания).

Стр. 23. "Смерть Иоанна Грозного" - первая часть драматической трилогии А. К. Толстою (последующие части - "Царь Федор Иоаннович" и "Царь Борис"); впервые напечатана в "Отечественных записках", 1866, Л 1; впервые поставлена в Петербурге в Мариинском театре 12 января 1867 года.

... "Гражданский брак" г. Чернявского. - Отрицательную оценку этой пьесы антинигилистического направления см. у М. Е. Салтыкова-Щедрина (Поли. собр. соч., т. VIII, 1937, стр. 300 - 308).

Стр. 24. ...целая особая статья... - Имеется в виду рецензия Лескова (за подписью: "М. Стебницкий") "Русский драматический театр в Петербурге. "Гражданский брак" - в "Отечественных записках", 1866, декабрь, кн. 2, отд. II, стр. 258 - 287; рецензия была написана в связи с первой постановкой пьесы на сцене Александрийского театра 25 ноября 1866 года.

Стр. 25. "Пучина"... разобранная в нашем журнале... - Отклик на пьесу был дан в заметке (за подписью "N. N.") "Александринский театр в Петербурге. Новая пьеса А. Н. Островского "Пучила" ("Отечественные записки", 1866, июнь, кн. 1, стр. 584 - 604).

...хроника... "Тушино", напечатанная в одном новом периодическом издании... - Пьеса "Тушино" была опубликована в журнале "Всемирный труд", 1867, январь.

Раупах, Эрнст-Беньямин-Соломон (1784 - 1852) - немецкий драматург.

Стр. 26. Равнять его с Коцебу! - "Гостинодворским Коцебу" назвал Островского поэт Н. Ф. Щербина, автор ряда злобных эпиграмм на драматурга (см. Н. Щербина. Альбом иноходрика. Эпиграммы и сатиры. Л., 1929, стр. 49, 56, 72, 106, 144.) Коцебу, Август-Фридрих (1761 - 1819) - реакционный немецкий драматург и романист.

Стр. 27. Мы, дети севера, как русская природа... - неточная цитата из стихотворения Лермонтова "Монолог" (1829).

...нигилистку XVII века... в своем "Тушине..." - Имеется в виду героиня "Тушина" Люд-

мила, дочь воеводы Сеитова.

Пьеса г. Писемского "Поручик Гладков" - была впервые опубликована в журнале "Всемирный труд", 1867, март.

Васильев, Павел Васильевич (1832 - 1879) - артист Александринского театра в 1860 - 1875 годах.

Стр. 28. "В мире жить, мирское творить". - Эта пьеса была напечатана в журнале "Библиотека для чтения" (1863, IV), редактором которого был тогда П. Д. Боборыкин.

...ласкает его как некрасовская дворянская дочь... своего огородника... - Лесков называет образы стихотворения Некрасова "Огородник" (1846).

Зубров (Иванов), Петр Иванович (1822 - 1873) - артист Александринского театра в 1850 - 1873 годах.

Натарова, Анна Петровна (1835 - 1917) - артистка Александринского театра в 1851 - 1890 годах.

Стр. 29. "Рогнеда" - опера А. Н. Серова; написана в 1865 году.

Стр. 30. ...отрывок новой комедии г. Алексея Потехина. - Речь идет о пьесе А. А. Потехи-

на (1828 - 1908) "Виноватая", полностью опубликованной в "Современном обозрении", 1868, Л 1, стр. 1 - 53.

...г. Николаю Потехину, автору "Безобразников"... - Имеется в виду книга Н. А. Потехина (1834 - 1896) "Наши безобразники. Сцены". СПб., 1864.

Стр. 31. ...новый дебютант, г. Монахов. - Ипполит Иванович Монахов (1841 - 1877) - артист Александринского театра в 1865- 1877 годах.

Стр. 33. ...не... новиковского гнезда... - Имеется в виду просветительская журнальная и книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова (1744 - 1818).

...не... плетневского, или другого из кружков... - Плетневский литературный кружок 1830-х годов назван по имени профессора (затем ректора Петербургского университета П. А. Плетнева (1792 - 1865); у него по субботам собирались многие деятели литературы, в том числе Пушкин, Баратынский, Дельвиг и др. см. Н. Л. Бродский. Литературные кружки и салоны. Первая половина XIX века. М. -Л., 1930, стр. 193 - 207).

Стр. 35. ...нашего бунтующего мужика... недавних революционеров... неумирающую интригу поляков... - Речь идет о фактах революционно-освободительного движения в России: крестьянских волнениях, организациях революционной демократии, польских восстаниях.

Братья Давенпорт, Вильям (1842 - 1874) и Ира (р. 1840) - мистификаторы; выступали со "спиритическими" сеансами в разных странах.

Стр. 37. "Марево", "Взбаламученное море" - антинигилистические романы В. П. Ключникова и А. Ф. Писемского.

...как легендарные дулебы... - Дулебы или бужане - восточнославянское племя, жившее в VI - VIII веках по реке Западный Буг.

Стр. 38. Только то лишь одно и действительно, Что для ихнего тела чувствительно - неточная цитата из стихотворения А. К. Толстого "Пантелей-целитель" (1866).

..."бесплодно спорить с веком"... "обычай - деспот меж людей" - строки из "Евгения Онегина" Пушкина.

...борьба с Галкиными, Белоярцевыми, Про-

рвичами и гимназистом Колей. Здесь названы персонажи антинигилистических романов 60-х годов: Галкины - из романа "Взбаламученное море" Писемского, Белоярцев и Прорвич - из романа "Некуда" Лескова, гимназист Коля - из "Марева" Ключникова.

"Отрезанный ломоть" - комедия А. А. Потехина, впервые опубликована в "Современнике", 1865, Л 10.

Стр. 39. ...судьба "Воеводы". - Пьеса Островского "Воевода" ("Сон на Волге"), впервые опубликованная в "Современнике", 1861, Л 1, не нашла признания в критике, хотя была в том же году с успехом поставлена на сценах Петербурга, Москвы, а затем и в провинции.

Самойлов, Василий Васильевич (1813 - 1887) - артист Александринского театра в 1834 - 1875 годах.

Зубов (Попов), Николай Николаевич (1817 - 1890) - артист Александринского театра в 1866 - 1886 годах.

Струйская (первая) - возможно, Елена Павловна Струйская (1845 - 1903), актриса Александринского театра в 1861 - 1881 годах.

Стр. 40. ...о Стрелковой, о Виноградове... -

Стрелкова - провинциальная актриса; Виноградов (Абрамов) Василий Иванович (1824 - 1877) - артист; до 1870 года выступал в провинции, в 1870 - 1878 годах - в Александринском театре.